Автор: Administrator
26.03.2017 22:33

Заявления заместителя муфтия Татарстана Рустама Батрова идут в русле поиска богословских ориентиров Татарстана. Об этом в эксклюзивном интервью ИА IslamNews рассказал ректор Российского исламского института Рафик Мухаметшин.

— Рафик Мухаметшович, российское мусульманское сообщество горячо обсуждает статьи первого заместителя муфтия Татарстана Рустама Батрова, в которых он неоднозначно отзывается о ханафитском мазхабе, выдвигает версии неканонического толкования тех или иных его положений и в итоге переходит к обсуждению достаточно надуманной проблемы «педофилии в исламе». Я знаю, что эти вопросы уже обсуждались в стенах КФУ. С чем, на Ваш взгляд, связано то обстоятельство, что Батров озвучил эти вопросы и в таком, можно сказать, провокационном ракурсе?

— Мусульманская умма России в своем становлении прошла через несколько этапов и если 90-ые годы были временем складывания организационных структур, выработки форм самоорганизации мусульман, то затем наступил этап определения ее богословских ориентиров. Это не только проблема Рустама Батрова. Сюда же можно отнести и издание Грозненской фетвы, например. Это все закономерно. Да, ханифитский мазхаб – это основа, но вопрос в том, нужны ли реформы? Так же следует принимать во внимание и то обстоятельство, и многие богословы указывают на это, что многие мусульмане сформировали свои взгляды в безмазхабическом пространстве?

Батров поднимает многие проблемы и это совершенно вписывается в те процессы, которые происходя т в самой мусульманской умме. Конечно, для обывателя интересны сюжеты о забивании камнями, о педофилии и так далее, но вопрос на самом деле намного глубже. Все упирается в методологию и критический анализ источников. Как мы, например, должны относиться к средневековым книгам, которые критикует Рустам хазрат? Так что все идет в русле поиска богословских ориентиров.

— Вам не кажется, что Батров делает это, так скажем не корректно, перенося условия жизни в Средневековье, на наши реалии и начинает на этом спекулировать?

— Если подойти с точки зрения научного анализа, то, да, некорректно. А если подойти с точки зрения привлечения внимания мусульманской уммы к проблемам, то, выпячивая болезненные вопросы, он пытается обратить внимание на ключевые для мусульман проблемы.

Я тоже считаю, что в современных условиях для мусульманской уммы есть более насущные проблемы, чем проблема забивания камнями или педофилии, но по крайне мере, он думает, что это – наглядная форма проявления средневековых элементов, которые, как он считает, привнесены в ислам, минуя Коран и хадисы, но этим, естественно, он ставит под сомнение многовековые традиции.

— Как Вы считаете, обладает ли он достаточной богословской подготовкой для ведения такой дискуссии?

— Для того чтобы поднимать насущные проблемы не совсем правильно все сводить к уровню знаний, но если смотреть с точки зрения исламоведения, эти вопросы можно подавать в таком контексте.

Однако мы же говорим о том, что он является представителем мусульманской уммы и поэтому у нас есть очень четко выработанный методологический посыл, у нас есть два фундаментальных источника – Коран и Сунна. Они являются для нас абсолютными и поэтому свои суждения в области исламского богословия и права надо строить вокруг этих фундаментальных понятий, не подвергая их оголтелой критике. В данном случае этот принцип исламского богословия им нарушается и это вызывает много вопросов, так как у него очень много критики хадисов, есть даже элементы критики самого Корана. Для мусульман это неприемлемо. Его позиция напоминает позицию радикального реформатора. Хотя мусульманские реформаторы очень бережно относились к основным источникам, говоря о необходимости иджтихада. Мне кажется, Рустаму хазрату надо глубже изучать труды татарских реформаторов, которые блестяще знали основные источники.

— Плодами, по крайней мере, части деятельности реформаторов стал отход определенных кругов мусульман от ислама. Не существует ли такой опасности, что при тотальной ревизии исламского вероучения возможен подобный эффект?

— Проблема реформаторства очень сложна. Есть реформаторы, которые предлагали внести изменения в догматические принципы самого ислама, но были и такие, которые говорили, что Коран ниспослан Всевышним, и надо менять само мусульманское сообщество. Например, Галимджан Баруди – основатель новометодного медресе «Мухаммадия», но его богословские представления были довольно традиционными. Они понимал, что в условиях конца 19-го — начала 20-го веков надо менять мусульманское сообщество, но не предлагал менять догматику ислама. Одним из ключевых методов изменения татарского мусульманского сообщества он считал систему образования и свои замыслы блестяще реализовал будучи традиционным богословом.

Реформы в области мусульманского права нужны, право и догматические основы ислама – это немного разные вещи. Конечно, здесь очень много вопросов, которые необходимо обсуждать. Арабо-мусульманская философия 9-13 веков сыграла огромную роль как интеллектуальный раздражитель и имам аль-Газали именно благодаря критике Ибн Рушда стал блестящим мыслителем.

Нужно напоминать о болевых точках, спорных вопросах, которые надо обсуждать. Рустам хазрат выполняет именно такую функцию. Другое дело, что многие с ним не соглашаются, спорят. Тем не менее, после его публикаций, и я это вижу, наши преподаватели стали поднимать источники. Они их сверяют, находят его ошибки, открывают для себя многие вещи. И в этом есть позитив.